

Сергей МАКИН

Явление красного коня

2026 год по китайскому календарю – год Красной Огненной Лошади. С давних пор кони – спутники человека. Поэтому они часто встречаются в произведениях литературы и изобразительного искусства. Образы лошадей присутствуют в пророчествах.

«Каурые и белые, соловые и рыжие»

В советско-польском фильме «Зося», поставленном по повести Владимира Богомолова, из полевой сумки убитого офицера связи достают томик Сергея Есенина. Молодой комбат листает книгу и читает вслух стихотворение: «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне». Суровому реалисту такое не нравится: «Чушь какая-то. Где это он видел розового коня? Я ж сам из крестьян».

Розовых лошадей в природе не бывает, как и красных. Они существуют только в живописи, поэзии, религии. Самые известные багряные лошади изображены на полотнах Кузьмы Петрова-Водкина «Купание красного коня» и «Фантазия».

А какая реальная масть ближе всего к фантастической алой? В романе Майн Рида «Всадник без головы» Морис Джералд ездит верхом на гнедом жеребце. На него же он усаживает убитого Генри Пойндекстера. Кобыла, которую мустангер ловит и обезжизняет для Луизы Пойндекстер, – крапчатая, тёмно-шоколадная с белыми пятнами. Какого же цвета гнедой конь? Его туловище рыже-коричневое, грива, хвост и ноги – чёрные. Похоже на красный цвет, хоть и отдалённо. Зато конь рыжей масти максимально подходит под ответ: он весь – от гривы до хвоста, от головы до ног – цвета червонного золота с красноватым оттенком.

На знаменитой картине Виктора Васнецова «Богатыри» Алёша Попович сидит на рыжем коне, Илья Муромец – на вороном, чёрном, Добрыня Никитич – на белом. Впрочем, «белый» – не профессиональное название масти. В коневодстве она называется «серой».

В советском приключенческом фильме «Смелые люди» девушка спрашивает у своего деда, старшего тренера конного завода, почему у новорождённого жеребёнка такая

Фантазия. Кузьма Петров-Водкин.
Русский музей, Санкт-Петербург. 1925

масть: «Дедушка, а как же это так? Бунчук серый, и Ясная была серая, а он гнедой». – «Чего же ты простых вещей не знаешь? Лошади серыми-то не рождаются... Есть раннее поседение шерсти. Вот я тоже в молодости гнедой был».

В песне Владимира Шаинского на стихи Александра Алшутова поётся:

*Каурые и белые,
Соловые и рыжие...
Проходит кавалерия, –
Вы слышите, вы слышите?
Звонят, звонят подковами
Зелёные околицы.
Эх, кони непокорные!..
Проходит мимо конница.*

Белые и рыжие – понятно, а какого цвета две другие упомянутые масти? Каурая лошадь – светло-рыжая,

целиком песчаного цвета, соловая – того же окраса, но при этом с белыми хвостом и гривой.

«Конь бежит – земля дрожит»

Нам с детства знакома русская народная сказка «Сивка-бурка». Главный герой произносит заклинание: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Странное сочетание цветов: лошадь одновременно сивая – пепельно-серая, бурая – коричневая и каурая. Эту сказку, как и многие другие, издал в середине XIX века собиратель русского фольклора Александр Афанасьев. И если мы заглянем в трёхтомное издание сказок Афанасьева, напечатанное в 1984–1985 годах издательством «Наука» в серии «Литературные памятники», удивимся: каурки там нет. Сын приходит на могилу отца, и почивший родитель дарит ему помощника:

«Старик свистнул-гайкнул богатырским посвистом:

– Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплотся, из ноздрей дым столбом.

– Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил».

В другом варианте сказки из сборника Афанасьева масть коня вообще не упоминается:

«Ванюше очень хотелось поглядеть на Елену-царевну Прекрасную; заплакал он, больно заплакал и пошёл на могилу к отцу. Услышал его отец в домовине, вышел к нему, стряхнул с чела сыру землю и говорит:

– Не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю. – Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, соловейским посвистом; откуда ни взялся – конь бежит, земля дрожит, из ноздрей, из ушей пламя пышет... стал перед стариком как вкопанный и спрашивает:

– Что велишь?

Влез Ваня коню в одно ушко, вылез в другое и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Сел на коня, подбоченился и полетел, что твой сокол, прямо к палатам Елены-царевны. Размахнулся, подскочил – двух венцов не достал; завился опять, разлетелся, скакнул – одного венца не достал; ещё закружился, ещё завертелся, как огонь проскочил мимо глаз, метко нацелил и прямо в губки чмокнул Елену Прекрасную!»

Откуда же появилась каурка? По мере того как сказка странствовала из одной области России в другую, её пересказывали по-новому. Происходило то, что называется «народное редактирование». Для южных областей

Богатыри. Виктор Васнецов.
Третьяковская галерея, Москва. 1881–1898

характерно оканье, для северных – аканье. Так «Сивко-бурко, вещий воронко» с преобладанием звука «о» превратился в коня с превалированием звука «а»: «Сивка-бурка, вещая каурка».

Эта народная сказка перекликается с «Коньком-Горбунком» Петра Ершова. Главный герой, Иван, приходит ночью на поле, где видит чудесную кобылицу. Хоть он и вскакивает на неё задом наперёд, а лошадь пытается его сбросить, герой не падает. Покорённая кобылица дарит ему трёх коней. Среди них – разумный, хоть и неприглядный на вид конёк с двумя горбами. Он помогает Ивану справиться со всеми препятствиями, стать мужем Царь-девицы и обрести трон.

Богатырские кони

Лошадям приходилось участвовать в битвах. Для них изготовляли доспехи: не только в средневековой Европе, но и на Руси. В историческом романе Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный» из эпохи Ивана Грозного описан судебный поединок пожилого боярина Дружины Морозова с молодым князем Афанасием Вяземским. Особое внимание писатель уделил коням противников. Конь боярина могучий, как у Ильи Муромца, конь князя быстрый, как у Алёши Поповича с картины Васнецова. Возможно, художник, писавший картину с 1881 по 1898 год, вдохновлялся романом писателя, первое издание которого было опубликовано в 1863-м.

«Под Морозовым был грудастый чёрно-пегий конь с подпалинами. Его покрывал бархатный малиновый чалдар (защитный доспех. – С.М.), весь в серебряных

бляхах... Мерно шёл конь, подымая косматые ноги в серебряных наколенниках, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевич остановил его саженьях в пяти от своего противника, он стал трясти густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и нетерпеливо рыть песок сильным копытом, выказывая при каждом ударе блестящие шипы широкой подковы. Казалось, тяжёлый конь был подобран под стать дородного всадника, и даже белый цвет его гривы согласовался с седою бородой боярина...

Конь Афанасья Ивановича, золотисто-буланый аргамак (буланый – гнедой светлого оттенка. – С. М.), был весь увешан, от головы до хвоста, гремучими цепями из дутых серебряных бубенчиков. Вместо чепрака или чалдара пардовая (леопардовая. – С. М.) кожа покрывала его спину. На воронёном налобнике горели в золотых гнездах крупные яхонты. Сухие чёрные ноги горского скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой из них, под бабкой, звенело по одному серебряному бубенчику... Аргамак сделал скачок и остановился как вкопанный. Ни один волос его чёрной гривы не двигался. Налитые кровью глаза косились по сторонам, и по золотистой шерсти разбегались надутые жилы узорною сеткой».

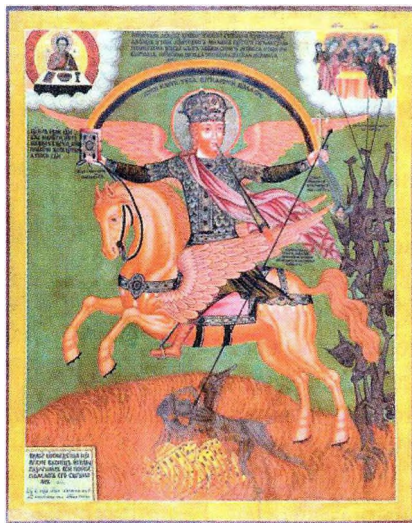
Три красных всадника

В сказке «Василиса Прекрасная» из того же сборника Афанасьева есть красный конь. Как, впрочем, и белый, и чёрный. Мачеха посылает Василису за огнём к бабе-яге. Девушка отправляется в путь:

«Вдруг скачет мимо её всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идёт она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами... вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела

Архангел Михаил – грозных сил воевода. Икона. Иркутский областной художественный музей имени В. П. Сукачёва. 1718

от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам чёрный, одет во всём чёрном и на чёрном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь».

В русской иконописи святой Георгий чаще всего восседает на белом коне, архангел Михаил – на красном. Небесного архистратига изображают в момент решающей битвы с силами зла. Архангела показывают трубящим. Тем самым он возвещает конец времён.

Чёрный конь тоже встречается на иконах, но не в качестве символа кромешного мрака. На иконе «Святые Борис и Глеб на конях» лошадь старшего брата выполнена чернью с оттенком синевы, младшего – алой киноварью.

В своём «Хожении за три моря» тверской купец Афанасий Никитин

едет в Индию, взяв с собой единственный товар – сторублёвого коня. Вот и мы отправимся на Восток. Только не в Индию, а в Монголию. В книге Николая Рериха «Сердце Азии» автор пишет:

«Когда я подарил монгольскому правительству мою картину “Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы”, лицо, близкое к правительству, спросило меня: “Могу я спросить вас, как, созидая эту картину, вы могли знать о видении, которое имел один из наших наиболее уважаемых лам несколько месяцев тому назад? Лама видел множество людей разных стран, и все головы их были обращены к западу. Затем в небесах появился гигантский всадник на огненном коне, окружённый пламенем, со знаменем Шамбалы в руке. Сам Благословенный Ригден-Джапо! И он сам обернул все головы толпы с запада на восток. В описании ламы величественный всадник был подобен всаднику на вашей картине”».

Николай Константинович так описывает свою картину «Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы», или «Грядущее, Великий Всадник»: «На красном коне, с красным знаменем неудержно несётся защищённый доспехами красный всадник и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи; снега, и Белая Тара шлёт благословение. Над ним ликует собрание великих лам. Под ним – охранители и стада домашних животных как символы места».

Если сравнить картину Николая Рериха с конными изображениями архангела Михаила, легко найти сходство. Владыка Шамбалы тоже показан трубачом, он тоже скачет на красном коне и вооружён копьём. Было ли видение у ламы, или он узрел перед этим изображение христианского архангела на иконе, перед которой молился православный верующий, оказавшийся в Монголии? Рерих прекрасно разбирался в русской иконописи. Скорее всего, он создал на своей картине образ архангела Михаила, каким бы его представил тибетский монах.

Милая девушка-лошадь

Распространённый жанр в живописи – парадный конный портрет. Такова, к примеру, картина Валентина Серова, изображающая князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Эльстон-Сумарокова. Жаль только, что в названии таких полотен не указывается имя лошади. А ведь она выглядит не менее рафинированно, чем всадник. Вдобавок дворяне относились к своим коням с шлететом.

Есть много пород лошадей: арабская, ахалтекинская, тракененская... В «Анне Карениной» Льва Толстого порода лошади Алексея Вронского – английская чистокровная, выведенная специально для скачек. У кобылы странное на современный взгляд имя – Фру-Фру. Его значение можно узнать из книги Марии Мерцаловой «История костюма» (1972 год), в главе, где описывается женская мода второй половины XIX века: «Костюм сопровождало шуршание шелков нижней юбки с многочисленными плиссированными оборками (знаменитое *frou-frou*, возвещавшее ещё издали приближение элегантной женщины). *Frou-frou* – непередаваемое выражение, основанное на подражании шуршанию юбок».

Лев Николаевич, сам большой знаток лошадей, с восхищением пишет о лошади Вронского: «Во всей фигуре и в особенности в голове её было определённое, энергичное и вместе нежное выражение. Она была одно из тех животных, которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство их рта не позволяет им этого». Обращаясь к кобыле, Алексей не раз говорит ей «милая».

Ригден-Джапо – Владыка Шамбалы (Великий всадник).
Николай Рерих. Музей изобразительных искусств имени Г. Дзанабадзара, Улан-Батор. 1927

На скачках Фру-Фру безукоризненна и обходит остальных лошадей. Но происходит ужасное: во время прыжка через барьер Вронский делает неловкое движение, опускается на седло и ломает кобыле спину:

«Он, шатаясь, стоял один на грязной неподвижной земле, а перед ним, тяжело дыша, лежала Фру-Фру и, перегнув к нему голову, смотрела на него своим прелестным глазом... Она опять вся забилась, как рыбка, треща крыльями седла, выпростала передние ноги, но, не в силах поднять зада, тотчас же замоталась и опять упала на бок. С изуродованным страстью лицом, бледный и с трясущеюся нижнею челюстью, Вронский ударил её каблуком в живот и опять стал тянуть за поводья. Но она не двигалась, а, уткнув хrap в землю, только смотрела на хозяина своим говоря-

щим взглядом.

– Ааа! – промычал Вронский, схватившись за голову. – Ааа! что я сделал! – прокричал он. – И проигранная скачка! И своя вина, постыдная, непростительная! И эта несчастная, милая, погубленная лошадь!»

Напрашивается параллель между гибелью Фру-Фру и Анны Карениной: невольным виновником смерти обеих становится Алексей Вронский.

Хорошее отношение к лошадям

Если даже тонко чувствующий герой романа Льва Толстого в порыве гнева и отчаяния ударил изящную кобылу, чего можно было ждать от менее рафинированных особ? В литературе можно найти примеры жестокого обращения с лошадьми: у Некрасова, у Достоевского. Не хочется их приводить – больно за коней и стыдно за людей.

Пожалуй, самое пронзительное произведение на тему трагической конской судьбы – стихотворение Бориса Слуцкого «Лошади в океане». Во время войны корабль перевозит конский табун:

*Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья всё ж они не принесли.
Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.
Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.*

*Лошади поплыли просто так.
 Что ж им было делать, бедным, если
 Нету мест на лодках и плотах?
 Плыл по океану рыжий остров.
 В море в синем остров плыл гнедой.
 И сперва казалось – плавать просто,
 Океан казался им рекой.
 Но не видно у реки той края.
 На исходе лошадиных сил
 Вдруг заржали кони, возражая
 Тем, кто в океане их топил.
 Кони шли на дно и ржали, ржали,
 Все на дно куда не пошли.
 Вот и всё. А всё-таки мне жаль их –
 Рыжих, не увидевших земли.*

Почему «всё-таки»? Потому что обычно принято жалеть погибших на войне людей, а не лошадей. Подумаешь, тысяча лошадей: погибли миллионы людей! Только зачем они тянули на войну животных?

В стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» Владимир Маяковский, успокаивая упавшую кобылу, говорит:

*Деточка,
 все мы немного лошади,
 каждый из нас по-своему лошадь.*

В XX веке люди стали жалеть погибающих по их вине коней. Может, когда-нибудь начнут жалеть и роботов-камикадзе, которых посылают на смерть в войнах новейшего времени. Все мы немного роботы.

Страшные сны человечества

Есть и откровенно пугающие образы, связанные с лошадьми. В историческом романе Ивана Ефремова «Таис Афинская» философ с острова Делос рассказывает главной героине о древних культах:

«К удивлению Таис, жрец-философ рассказал ей о культе священных кипарисов на Крите, связанных с Афродитой. Но более всего поразило её древнее поклонение

богиням в образе лошадей. Сама Деметра, или Критская Рея, в святилище Фигалия на реке Неда в Аркадии изображена с лошадиной головой. Священная кобыла обладала особой властью по ночам и служила вестницей гибели. Ни философ, ни Таис не могли подозревать, что более двух тысяч лет после их встречи в одном из самых распространённых языков мира страшное ночное видение, кошмар будет по-прежнему называться “ночной кобылой”».

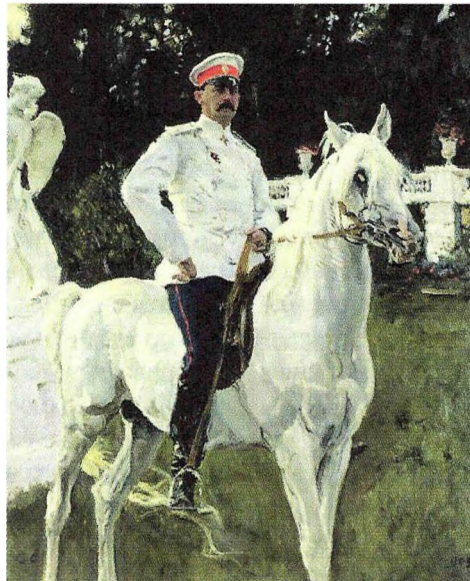
В книге Хорхе Луиса Борхеса «Божественная комедия» есть интересные размышления о снах:

«Для дикаря или ребёнка сны – эпизоды яви; у поэтов, у мистиков вся явь может быть сном. Об этом сухо и лаконично говорит Кальдерон: жизнь – это сон. Шекспир выражается образно: “Мы созданы из вещества того же, что наши сны”; восхитительно сказано об этом у австрийского поэта Вальтера фон дер Фогельвейде, вопрошающего (сперва воспроизведу на моём плохом немецком, затем на чуть лучшем испанском): *Oder mein Leben getraumt oder ist es wahr?* – “Или казалось явью мне то, что было сном?” Он так и не знает точно».

То, что ребёнок не отличает сна от реальности, могу подтвердить на собственном опыте. В одной из книжек моего детства рассказывалось о карнавале зверей. На картинке животное, похожее на лошадь, улыбалось во весь рот, открывая большие плоские зубы. Возможно, художник хотел развеселить детей, но у меня это изображение вызывало какой-то первобытный ужас.

Как-то ночью мне приснилось, что мы с мамой сидим за столом, я играю в кубики. Вдруг из-за шторы показалась та самая лошадиная голова с оскаленными зубами. Это было одно из самых кошмарных сновидений в моей жизни. На другой день я спросил маму: «Помнишь лошадиную голову, высунувшуюся из-за занавески?» – «Нет, Серёжа, наверно, ты увидел её во сне».

Лет через двадцать я увидел подобный ужас на репродукции картины швейцарско-английского художника Генри Фюсли «Ночной кошмар». Только лошадь у живописца не скалила зубы. Это та самая «ночная кобыла», по-английски – *the night mare*, о которой говорил Ефремов. Она упоминается, например, в исторической хронике

Портрет князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Эльстон-Сумарокова.
 Валентин Серов. Русский музей. 1903

Шекспира «Король Генрих IV»: *I will ride thee o' nights like the mare* – «Я буду ездить к тебе по ночам, как кобыла».

Соблазн исполнить предсказанье

Лошади упоминаются в новозаветном Откровении Иоанна Богослова, иначе Апокалипсисе:

«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он (как) победоносный, и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч» (Откр 6:1–4).

Рыжий – перевод на русский, в греческом тексте конь красный, огненный: *ἵππος πύρρος*, иппос пуррос от *ἵππος* – лошадь и *πῦρ* – огонь. Потом наступает черед всадника на вороном коне, несущего голод, и наконец – всадника на бледном коне, несущего смерть. Обязательно ли должно сбыться это апокалиптическое предсказание? Может, это был просто страшный сон Иоанна?

Все мы помним «Песнь о вещем Олеге» Пушкина. Образы как раз ко времени: уходит год Змеи, наступает год Лошади. Князь Олег разуверился в пророчестве вдохновенного кудесника: тот предсказал ему смерть из-за любимого коня. Но животное умерло, а его хозяин жив:

*Могучий Олег голового поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доньне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.*

Однако пророчество сбывается: князь умирает от укуса ядовитой змеи, которая выползла из лошадиного черепа.

Валерий Брюсов создал свой вариант истории о пророчке и владыке. В его стихотворении «Прорицание» князь со свитой, верхом на лошади, которая скачет удобным для всадника аллюром – иноходью, едет на охоту и видит кудесника:

*Но вот седой старик с клюкой
Стоит у старого колодца.
И князь, с поднятой головой,
Замедлил поступь иноходца.
То был – известный всей стране,*

*За святость жизни чтим в войне,
Отшельник, сумрачный гадатель,
Судеб грядущих прорицатель.*

Волхв говорит, что сегодня видел двойника князя, его призрак. Значит, повелителю угрожает смертельная опасность: он может умереть. Кудесник просит властелина вернуться домой, чтобы не искушать судьбу.

Вечером князь возвращается с богатой добычей, живой и невредимый. Он укоряет отшельника за то, что его предсказание не сбылось. Тогда волхв убивает князя своей клюкой:

*И слышен голос в тишине, –
Старик взывает к тайной силе:
«Исполнить то досталось мне,
Что вы, благие, не свершили.
Не может лгать язык волхва:
Вы подсказали мне слова,
Чтоб стало правдой прорицанье,
Я сам свершил предначертанье!»*

Опасная тенденция – подгон под ответ. Современные политики и учёные достигли немислимого прежде могущества. У них может возникнуть соблазн самим претворять в жизнь древние пророчества. Кто или что может этому помешать?

Песнь о вещем Олеге. Эскиз. Виктор Васнецов. Калужский музей изобразительных искусств. 1899